

Конец отменяется

Манеж: "Пейзаж. Счастливый конец..."

Трудно сказать, что имелось в виду — счастливый ли конец пейзажа, которому повезло тихо умирать на рубеже тысячелетия? Или счастливые эмоции авторов-пейзажистов, которые, несмотря на свой традиционный жанр, вышли сухими из бурного потока постмодернистских акций?

Впрочем, не буду гадать, а предположу нечто свое. Известно, что слово "конец" в старославянском языке этимологически связано со словом "начало". Вот и я на этой выставке ощутила не мертвенные токи "конца" (пусть даже и счастливого!), а живительный воздух нового. Авторское желание не благополучно "завершить цикл", а прорвать кольцо привычного.

Ирина Старженецкая, Елена Корнилова, Владимир Брайнин — художники, вступившие в пору расцвета, творческой зрелости — "акме". В особенности это касается пейзажных работ И. Старженецкой и В. Брайнина. Стилизованные под парсуны, наивно современные портреты Е. Корниловой мне нравятся больше, чем ее ностальгические пейзажи. Поэтому писать я буду о первых двух художниках, сумевших удивить своими пейзажными работами. Написала и задумалась.

Ну чем, скажите на милость, может сейчас удивить пейзаж, не то чтобы совсем "реалистический", но вовсе не порвавший с живой натурой и с пластически-живописными принципами ее воссоздания? То ли дело что-нибудь уже совсем "опредмеченное", напрочь отошедшее от своего природного "первообраза" в виртуальную реальность сконструированных объектов, дизайнерских игр, "клееночных" орнаментов?! Посмотрела недавно очень стильные и визуально красивые работы Бориса Марковникова, начинавшего с эмоциональных лирических пейзажей. А сейчас не трогает. Интересно — но не более того. Не захватывают и "русские березки", тщательно написанные "как в жизни". А вот когда Юрий Бурджеля соединяет жанр пейзажа, портрета и интерьера, вынося своих "красоток" на диване прямо в городскую среду, или когда Сергей Медведев начинает пристально разглядывать отдельные прихотливейшие детали окружающего нас мира природы... О, это, скажу вам, захватывает, и еще как! Захватывает, потому что найден, как сказал бы Виктор Шкловский, путь "остранения" реальности.

Ирина Старженецкая и Владимир Брайнин тоже идут этим путем. Причем предлагают противоположные решения. Брайнин в своих городских пейзажах всячески усложняет ассоциативный ряд, создает напряженно-контрастные сшибки культурных эпох, стилей, смыслов, подтекстов. Пластически это выражается в причудливых играх с пространственной средой, в контрастах выпуклого и плоского, каменного и живого, человеческого и звериного, ярко освещенного и затененного...

Это путь "сложной" поэзии Осипа Мандельштама и Иосифа Бродского, живописи Ф. Бэкона и Р. Магритта, прозы В. Набокова и М. Пруста...

Существует и противоположная возможность — предельно упрощать мир, вернуться к изначальной

"детской" простоте примитива, лубка, раешного действия. Ирина Старженецкая в своих пейзажных работах словно слой за слоем очищает икону от последующих наслоений, чтобы добраться до самого изначального, живого, **подлинного** слоя. И этот путь опробован корифеями разных школ и стилей XX столетия от Матисса до Шагала. Его уроки в "простой" и "косноязычной" прозе гениального Андрея Платонова, в первозданно-мощной живописи нашего современника Льва Табенкина или в "наивных" стихах Тимура Кибирова...

Но вернусь к нашим авторам.

У Владимира Брайнина поразили три работы этого года (что опять-таки говорит скорее о "начале").

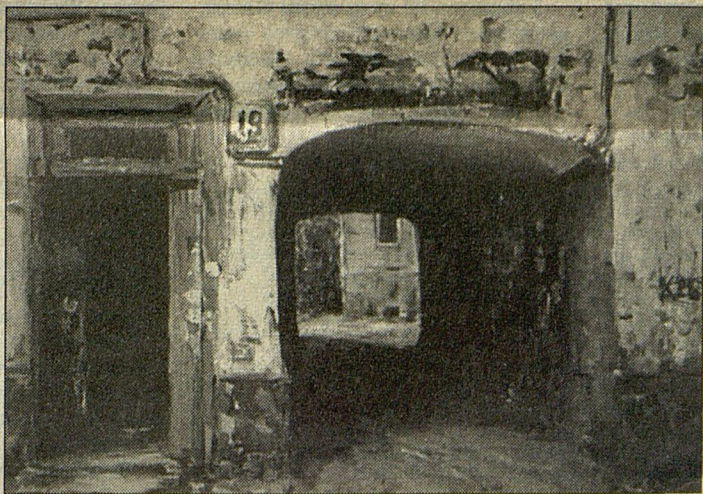
Городской пейзаж художника всегда странен, несмотря на кажущееся "натуроподобие". Это старые безлюдные дворы, арки, подворотни (куда за боимся сердцем и угрозой для жизни хочется заглянуть), старинные особняки с облупившейся лепниной... Людей в этом мире практически нет. Но на последних работах... появились. Нет, не живые, "реальные" люди, а люди каменные, с необычайно выразительными живыми лицами. Камень стал не "кружевом", а человеческим мужским лицом. Изваянием атлантов, с которых неумолимое время сбило штукатурку (полиптих "Штукатурка"). "Усложнение" тут как раз и касается трактовки этих каменных лиц-ликов на порталах старинных домов. Они множатся смыслами, стилями — античность, эллинизм, готика, Возрождение... Тут произошло не "окаменение" лица, а оживление того, что уже, казалось, безвозвратно утрачено, засыпано отвалившейся штукатуркой. Поражает экспрессивный накал этих крупно данных мужских лиц — задумчивых, страдающих, напряженных, рельефно выступающих под лучами какого-то незаходящего солнца в желтовато-зеленовато-голубой прозрачной гамме. Тут нет античной великолепной "телесности" — торсов, рук, мускулов. Только **головы** прекрасных гигантов, чьи лица утончены веками христианства. Но первооснова — земная, телесно-чувственная, антично-возрожденческая. Об этом напоминают и фигура Афродиты, и

маленький Эрот с вечным колчаном — части полиптиха. Эта неколебимая, страстная и сосредоточенная мужественность, оказывается, нуждается в какой-то "женственной" ноте. Но она дается приглушенно, знакомыми фигурами. Смысл этого противостояния скорее неясен, чем ясен, более интригует, чем что-то проясняет...

Ирина Старженецкая в пейзажах стремится отянуть "пыль веков" и взглянуть на природу свежим взглядом ребенка. Точно ли это детский взгляд, и таким ли он был у художницы в ее детстве, в конце концов, неважно. Важнее само внутреннее задание. Мне меньше понравились небольшие холсты с цветами (интересно, однако, что это не традиционные "букеты", а цветы как бы свободно произрастающие). Захватывают крупноформатные холсты художницы с их широким и свободным дыханием, ярким насыщенным цветом и неприхотливой, но внятной композицией ("Весна", 1998). Тут пульсирует, бьется, напрягается та грань, которая отделяет **живое** — синее небо, яркий массив стволов, коричневатую покатость берега — от **неживой**, геометрической абстракции. Вся прелесть в том, что ниточка **живого** нигде не обрывается. Мир уловлен в моменты "полноты времени" и "торжества творения". Никакой ностальгии, вздохов, флера воспоминаний. Художница как бы говорит: я не вспоминаю, не обманываю, не создаю иллюзий. Мир таков. Здесь и сейчас таков. Недаром на некоторых холстах стоят даже точные даты, включая месяц и день их написания. Сиюминутное уловлено в сети вечного "детского" мгновения полноты и радости бытия.

В сущности, оба художника — и Владимир Брайнин, и Ирина Старженецкая — в преддверии конца тысячелетия и навязчивых разговоров о "конце времен" (я уж не говорю о "конце пейзажа") живо, талантливо и артистично проводят в своих холстах идею **вечного**. Вечно страдают и ощущают трепет "земной любви и прелести земной" каменные изваяния пейзажей Брайнина. Вечно прекрасен, нов, радостен мир природы у Старженецкой. Так что с концом чего бы то ни было придется, видимо, подождать...

Вера ЧАЙКОВСКАЯ

В. Брайнин. "Дом № 19". 1997 г.